

© 2010 г.

С.А. РОМАНЕНКО

ВЛАДИМИР ИЗРАИЛЕВИЧ ФРЕЙДЗОН (1922–2004)

Жизненный путь известного отечественного историка-кroatиста и специалиста по истории народов Средней Европы В.И. Фрейдзона – это путь многих людей его поколения, которым выпало с оружием в руках защищать мир от нацизма, восстанавливать страну и преодолевать последствия того, что на XX съезде КПСС в 1956 г. было названо “культом личности”. Это – и история первого поколения ученых, не только родившихся, но и воспитанных при советской власти, которому предстояло восстанавливать пострадавшие от репрессий 1920–1950-х годов отечественную науку и культурную традицию и развивать их дальше.

В.И. Фрейдзон родился в 1922 г. в небольшом городке Освей Великолукской области (ныне – Витебская область Белоруссии). Вскоре после его рождения семья переехала в Москву. Окончив обычную московскую школу, он в предгрозовом 1939 г. поступил на исторический факультет МГУ. Но тогда он успел закончить только два курса: началась война.

Даже в тех невероятно трудных условиях советское правительство сначала считало необходимым сохранить научные кадры, в том числе и в области гуманитарных наук. МГУ эвакуировали сначала в Ашхабад, потом в Свердловск. Студенты-историки получили отсрочку от призыва. Но в 1942 г. В.И. Фрейдзон, как и его товарищи по курсу, был призван в армию и, пройдя в артиллерийском училище за восемь месяцев курс обучения, рассчитанный на два года, оказался на фронте, в противотанковой артиллерии. В феврале 1944 г. он был тяжело ранен, лечился в госпитале, но в июле того же года возвратился на фронт. Хотя осколок извлечь так и не удалось, и он имел полное право на демобилизацию. После возвращения в действующую армию его направили на 1-й Прибалтийский фронт. О том, как воевал Фрейдзон, свидетельствуют его боевые награды – ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Впоследствии, уже в мирное время Фрейдзон, участвовавший в боях на территории Литвы, получил звание Почетного гражданина Акмянского района Литвы. На фронте он вступил в ВКП(б).

После демобилизации В.И. Фрейдзон вернулся на исторический факультет. Он выбрал кафедру истории южных и западных славян, где в то время преподавали такие известные слависты старшего поколения, как академик В.И. Пичета и З.Р. Неудлы. Его научным руководителем – сначала дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации был основоположник отечественной югославистики С.А. Никитин. Фрейдзон не ограничивался изначально собственно югославистикой, не говоря уже о кроатистике, которая в то время как отрасль научного знания в СССР еще не существовала. Его дипломная работа была посвящена соединению Южной Болгарии с Северной в 1885 г.¹

Романенко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики РАН.

¹ *Романенко С.А., Стыкалин А.С.* В.И. Фрейдзон и развитие отечественной славистики. – *Славянский альманах*, 2007. М., 2008; *Историки-слависты Московского государственного университета. 1939–1979.* М., 1979, с. 118.

С.А. Никитин предложил аспиранту заняться новой историей Хорватии, до тех пор практически не привлекавшую внимание советских историков. В 1952 г. В.И. Фрейдзон успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Положение крестьян в Хорватии в конце XIX – начале XX вв. и Хорватская крестьянская партия А. и Ст. Радичей 1905–1914 гг.”². Именно эта работа В.И. Фрейдзона наряду с исследованием его друга и коллеги Ю.В. Бромлея “Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии” заложили основу современной отечественной научной крoатистики.

Отношение к Хорватии и хорватам в Советской России и СССР было противоречивым. С одной стороны, не был забыт традиционный российский взгляд на хорватов и их национальное движение как на “чуждый” с геополитической и конфессиональной точек зрения народ, как на соперника “братского союзника” Сербии, а с другой – как на возможную “пятую колонну” внутри соперника, а затем врага на Балканах – Австро-Венгрии. Последнее было особенно актуально в 20-е годы в среде Коминтерна, который, вслед за советским партийным и государственным руководством, пытался опереться на хорватское национальное движение. Под лозунгом национального самоопределения они стремились добиться ликвидации одного из наследников дуалистической империи – монархического, враждебного СССР, Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. – Югославия), созданного на идеологии родства славянских народов, и образования интернационалистской “балканской коммунистической федерации”³.

Большинству немногих публикаций и публичных выступлений 1920–1930-х годов по славянской проблематике было свойственно множество передержек, они носили в основном поверхностно-пропагандистский характер и были далеки от корректности с точки зрения научного исследования. Статья М.Н. Покровского, который занимал тогда положение главного официального советского историка, написанная им в 1927 г., вышла под названием “Панславизм на службе империализма”⁴. Доклад, прочитанный в 1933 г. в Институте славяноведения В.Н. Кораблевым, назывался “Славяноведение на службе самодержавия (Из деятельности академика В.И. Ламанского)”⁵. При этом зачастую неоправданно отождествлялись такие разные исторические явления, как славянофильство и панславизм, а исследования по истории славянских народов рассматривались как пропаганда “славянской взаимности”. Редкие авторы, отваживавшиеся выйти за жестко очерченные границы официальных схем, подвергались гонениям.

Судьба многих славистов, как и их коллег по гуманитарной науке – историков, филологов, этнографов, философов, оказалась трагической. Стало невозможно не только заниматься “славянской взаимностью”; практически под полным запретом оказалась вся славистическая наука как таковая⁶. После того, как к концу 1930-х годов славяноведение по разным причинам физически лишилось своих ведущих представителей, оно фактически было ликвидировано и его предстояло восстанавливать заново.

Во время Великой Отечественной войны “славянская идея” показала свою эффективность. 10–11 августа 1941 г. и 4 апреля 1942 г. в Москве состоялись всеславянские митинги. Это, а также создание 5 октября 1941 г. в Москве Всеславянского комитета (просуществовал до 1962 г.), свидетельствовало об отходе в условиях войны от прежней официальной советской оценки панславизма как “насквозь ре-

² Историки-слависты Московского государственного университета, с. 114. Отдельные фрагменты этой работы были опубликованы в 1954–1960 гг. в “Ученых записках Института славяноведения”, “Славянском архиве” и “Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы”.

³ См.: Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов, ч. 1–2. М., 2000–2003.

⁴ Горяинов А.Н. “Славянская взаимность” в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов. – Славянская идея: история и современность. М., 1998, с. 147.

⁵ Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004, с. 345–372.

⁶ См.: Аксенова Е.П. Очерки истории отечественного славяноведения. М., 2000, с. 28–39; Горяинов А.Н. Указ. соч., с. 154; Робинсон М.А. Указ. соч., с. 384.

акционного течения”⁷. СССР еще 3 июля 1941 г. заявил о непризнании законности расчленения Югославии Германией и ее союзниками и высказался за возрождение югославского государства, что совпадало с целями и королевского правительства в эмиграции, и Тито⁸. В ходе войны СССР оказывал движению Тито как своему союзнику всестороннюю помощь и поддержку. Сталин нередко ссылался на ситуацию на территории Югославии в качестве примера сопротивления германской оккупации и героизма⁹.

11 апреля 1945 г. во время визита Тито в Москву был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. 15 января 1946 г. в Белграде был создан Славянский комитет и там же в декабре 1946 г. состоялся Славянский конгресс. В рамках подготовки конгресса советский политико-идеологический и пропагандистский аппарат попытался синтезировать “пролетарский интернационализм” и “славянскую идею”, основывавшуюся на идеологии и психологии этнического национализма для удержания господства СССР над странами Средней и Юго-Восточной Европы¹⁰.

Поначалу казалось, что для славистических исследований, в особенности – по истории Югославии, наступило благоприятное время, и что судьба молодого ученого В.И. Фрейдзона складывается удачно и безоблачно. На самом деле период 1948–1954 гг. был одним из самых трудных периодов его жизни. В стране развернулась так называемая “антикосмополитическая” пропагандистская кампания. Помимо “антизападной”, обусловленной “холодной войной”, антидемократической и антилиберальной составляющей, одним из основных ее элементов стал антисемитизм.

Трудность положения молодого аспиранта заключалась еще и в том, что с середины 1948 г. в СССР была развязана и антиюгославская кампания. Постепенно назревавший еще в ходе войны и разразившийся в 1948 г. советско-югославский конфликт был обусловлен не только психологическим столкновением двух похожих личностей, не только разногласиями руководства двух партий относительно “путей строительства социализма”. Помимо того, что это был межгосударственный, межпартийный и межличностный конфликт, одной из его составляющих были и различия в толковании славянской идеи. Первоначальные послевоенные планы Сталина использовать показавшую свою политико-психологическую эффективность в годы войны “славянскую идею” для закрепления господства СССР в Восточной Европе и международном коммунистическом движении после конфликта с руководством крупнейшего славянского государства оказались неосуществимыми, и после начала в 1948 г. конфликта Сталина с Тито от них отказались, поскольку без Югославии никакое “славянское братство” было невозможно¹¹.

Исследование, предпринятое В.И. Фрейдзоном и защищенное им в качестве кандидатской диссертации, было выполнено в труднейших условиях конца 1940 – начала 1950-х годов. Многие архивы были практически недоступны, невозможны были научные поездки, тем более, в Югославию, название которой употреблялось только в сочетании с бранными эпитетами из-за конфликта Сталина и Тито, когда к хорватскому национальному движению относились с подозрением из-за создания во время Второй мировой войны державшегося на штыках оккупантов усташского Независимого государства Хорватия (НДХ) Анте Павелича, когда Австро-Венгрия рассматривалась как

⁷ Enciklopedija Jugoslavije, sv. 7, s. 483; Поповић Н. Југославија и свесловенски комитет (1941–1945). – Југословенско-советските односи во втората светска војна (1941–1945). Скопје, 1991, с. 165.

⁸ Гиренко Ю.С. Сталин и Тито. М., 1990, с. 272.

⁹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, с. 31, 53.

¹⁰ Досталь М.Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. – Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994, с. 128–142.

¹¹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2003, с. 508, 518, 250; См. также статьи российского историка Л.Я. Гибианского в кн.: Холодная война. 1945–1963. М., 2003, с. 105–186.

соперник России на Балканах и угнетатель славянских народов, а Габсбурги виделись как “классовые враги”.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации В.И. Фрейдзон около двух лет оставался без работы. Смерть Сталина, последовавшие за этим перемены не сразу дали о себе знать. С 1954 по 1956 г. Фрейдзон работал специалистом по комплектованию фондов иностранными поступлениями во Всесоюзной государственной библиотеке имени В.И. Ленина, что помогло ему найти источники для дальнейших исследований. Плодами его работы, даже не подозревая об этом, пользовались раньше и дальше будут пользоваться последующие поколения югославистов и кроатистов.

В 1956 г. В.И. Фрейдзон пришел в Институт славяноведения Академии наук и проработал в нем всю жизнь. Именно тогда, под влиянием благотворных перемен в советско-югославских отношениях – Белградской и Московской деклараций 1955–1956 гг., там начиналась работа над “Историей Югославии”. Ему были поручены главы, посвященные истории Хорватии и Словении в конце XIX – начале XX вв. Из-за практической неразработанности подавляющего большинства проблем, молодому ученому приходилось работать по 14 часов в сутки. Написанный им тогда двухтомник во многом не утратил своего значения и поныне; он вышел в 1963 г.

В докладе XX съезду КПСС “О культе личности Сталина и его последствиях” 25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущев перенес всю ответственность за советско-югославский конфликт лично на Сталина, что помимо изменений в советской внутренней политике объективно означало и шаг навстречу позиции Тито и СКЮ¹². Изменилась и характеристика югославской “системы”: необходимо было преодолеть сложившийся в 1948–1953 гг. стереотип о том, что Югославия-де “не социалистическая страна”.

Однако и после “примирения” советско-югославские отношения развивались очень неровно. На них сказывались события в Венгрии 1956 г., дискуссии вокруг новой программы СКЮ 1958 г. и другие события. Не была сказана вся правда о событиях 1948–1953 гг., не открыты архивы. К сожалению, и до сих пор значительная масса документов того периода остается недоступной для исследователей. Политические и идеологические противоречия сохранялись; периоды улучшения отношений сменялись резкими “похолоданиями”, что не могло не отражаться на условиях развития советской югославистики, делавшей первые самостоятельные шаги. Конечно, в 1950–1970-е годы об истории Хорватии, шире – о кроатистике как о самостоятельной отрасли исторической, филологической и этнографической науки тогда никто и думать не мог. И препятствовала этому не только советская, но и официальная югославская идеология. В СФРЮ господствовала официальная, сформулированная Тито и его окружением, концепция “братства и единства” и превращения югославских граждан не только в единую государственную общность, но и в единый этнос, весьма по своей природе близкая к советскому “пролетарскому интернационализму” и концепции “новой исторической общности” – советского народа. Поэтому изучение политической и этнической истории хорватов как самостоятельного объекта исследования и в Белграде, и в Москве могло быть истолковано как пропаганда “буржуазного национализма”.

Научные поездки в Югославию и в 60–70-е годы были крайне редки; нормальное общение с югославскими коллегами и свобода дискуссий также были ограничены. Советские югослависты в те годы находились в трудной – и профессиональной и человеческой – ситуации. “Оттепель” не растопила в СССР преграды идеологических и цензурных препятствий. Советским ученым приходилось преодолевать недоверие ко “всему югославскому”, преодолевать, в частности, стереотип в отношении к хорватам, поскольку воинские части профашистского Независимого государства Хорватия (НДХ) участвовали в боях на Восточном фронте в СССР и многими воспринимались как фашисты. Более того, на подсознательном уровне продолжало работать и стерео-

¹² Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002, с. 97–98; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956 г. М., 2000, с. 378–379.

типное восприятие хорватов как католиков в отличие от “наших” – православных – сербов. Австро-Венгрия, в состав которой входили хорватские земли до 1918 г., также воспринималась как враг не только России, но и советской власти, поскольку принимала участие в переговорах в Брест-Литовске 1917–1918 гг. Исподволь продолжали свою активность и эмигранты – “информбюровцы”, надеявшиеся на свое возвращение к власти в Югославии и всеми силами стремившиеся воспрепятствовать нормализации советско-югославских отношений. В то же время, между историками советской и югославской школ могли существовать и существовали и объективные различия в методологии исследования и в оценках тех или иных исторических процессов, событий и деятелей. Хотя в одном югославская и советская исторические концепции того времени были едины – их официальная задача состояла в том, чтобы обосновать легитимность и историческую закономерность возникновения югославского социалистического государства. При этом в подходе к изучению истории национальных движений южнославянских народов невольно возникало противоречие: когда речь шла о Югославии после 1918 г. и, особенно, после 1945 г., негативную оценку получали, как правило, именно те ее доблести, которые превозносились, когда речь шла о борьбе против монархии Габсбургов.

Важное место в исследованиях В.И. Фрейдзона заняло изучение социальной структуры в хорватских и словенских землях. Так, в частности, он обратился к проблеме формирования хорватской нации в условиях сложных процессов этнической дифференциации, происходивших на территории южных славян как в монархии Габсбургов, так и вне ее¹³. Эта статья во многом предвосхитила основное направление его исследований в 1970–1980-е годы, когда именно вопросы этнической истории выдвинулись в сфере его интересов на первый план. Занимался он и изучением российско-хорватских связей. Результаты его изысканий опровергают довольно распространенный в нашем обыденном сознании миф о том, что пророссийские симпатии и устремления в XIX в. были исключительно уделом православных сербов, черногорцев и болгар, тогда как другим южнославянским народам, большая часть которых исповедовала католичество, подобная ориентация была якобы в корне чужда.

Итогом многолетней и кропотливой работы стала вышедшая в 1970 г. монография¹⁴ В.И. Фрейдзона, два года спустя защищенная автором в качестве докторской диссертации. Само название труда свидетельствует о смелости и принципиальности автора: именно на 1971 г. пришелся период “хорватской весны”, подвергшейся жесткой критике не только со стороны Тито, но и брежневского руководства в Москве. Период 1968–1971 гг. никак нельзя отнести к спокойным и плодотворным в советско-югославских отношениях. На них не могли не отразиться не только события 1968 г. в Чехословакии. Советские руководители все более открыто сравнивали Югославию с Чехословакией периода Пражской весны, упрекая Тито за поддержку А. Дубчека.¹⁵

Монография В.И. Фрейдзона стала признанием в СССР не только существования хорватов как особого этноса и нации, но и ее особых политических устремлений, отличавшихся как от интересов сербов, так и от интересов общего югославского государства.

В этой книге и в последующих исследованиях В.И. Фрейдзону удалось преодолеть традиционно господствовавшее в отечественной (как дореволюционной, так и послевоенной, советской) славистике негативное отношение к хорватам и их национально-

¹³ Фрейдзон В.И. О формировании нации в хорватских землях. – Советское славяноведение, 1969, № 4.

¹⁴ Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.

¹⁵ Об этом периоде в истории Югославии и ее отношениях с СССР см.: Романенко С.А. Югославия, Россия и “славянская идея”. Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002, с. 352–374; Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей. – Новая и новейшая история, 2004, № 5, с. 129; Dabčević-Kučar S. 71: hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb, 1997, s. 601–603.

му движению. Он посмотрел на Австрийскую империю и на Австро-Венгрию не как на “тюрьму народов”, а как на сложный исторически сложившийся и просуществовавший несколько столетий этнополитический организм, составной частью которого были национальные движения южнославянских народов, далеко не всегда стремившихся к революционному разрушению империи. Фрейдзон опирался не на схемы, а на факты и материал источников. В монографии был поставлен ряд общетеоретических вопросов, которые в глазах внимательного читателя касались не только государства Габсбургов, но и Российской империи и СССР – национально-освободительное движение и революция, национал-либерализм и национал-радикализм, федерализм и централизм, общегосударственная идеология и этнический национализм, соотношение различных типов славянской идеи – югославизма и австрославизма, с одной стороны, и хорватского национализма – с другой. Что касается последней проблемы, то был опровергнут имевший политическое происхождение тезис о том, что национальные движения южных славян, в частности хорватов, выступали исключительно за распад Австрийской империи (Австро-Венгрии).

Освоение собственно хорватской тематики стало для исследователя мостом, позволившим перейти к полноценному изучению целого комплекса более общих проблем истории монархии Габсбургов. Еще в 1967 г. в книге «“Дранх нах Остен” и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» вышла первая статья В.И. Фрейдзона (и одна из первых в отечественной историографии работ) о проектах федерализации Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии) в 1860–1870-е годы.

Ряд статей В.И. Фрейдзона конца 1970-х – начала 1980-х годов был посвящен проблемам межформационных взаимосвязей, в частности, переходу от феодальной народности к нации, периодизации и типологизации формирования наций у южных славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Принципиально важная статья “Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе” (совместно с Т.М. Исламовым), опубликованная в первом номере журнала “Новая и новейшая история” за 1986 г., положила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков.

В 1970–1980-е годы в Институте славяноведения и балканистики при активном участии В.И. Фрейдзона было предпринято издание многотомной серии “Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры”. Ее венцом стала двухтомная коллективная монография “Освободительные движения народов Австрийской империи” (М., 1980–1981), органично сочетавшая в себе разделы, посвященные истории отдельных земель и народов, с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. В.И. Фрейдзон был ответственным редактором этой коллективной монографии и интеллектуальным центром исследования, много сделавшим для придания ему композиционной целостности. Ему принадлежит и ряд концептуальных разделов. Этот двухтомник и по сей день остается единственным комплексным (междисциплинарным) и сравнительным историческим исследованием национальных проблем этого государства, охватывавшего практически весь регион Средней Европы и части Юго-Восточной Европы. С именем Фрейдзона, как и с именем его друзей, единомышленников и коллег И.С. Миллера и Т.М. Исламова, неразрывно связан расцвет исторических и междисциплинарных исследований в Институте славяноведения в конце 70-х – начале 90-х годов. В.И. Фрейдзон внес большой вклад в создание других коллективных трудов этой серии, изданных в 1981–1984 гг.

В.И. Фрейдзон первым обратился к изучению истоков формирования боснийско-мусульманского этноса – проблема эта несколько позже, в 1990-е годы, приобрела актуально-политическое звучание в свете событий, сопровождавших распад полиэтничной Югославии. К сожалению, статья “К истории боснийско-мусульманского этноса” вышла в сильно сокращенном виде, и ее полный вариант, по-видимому, не сохранился. Но даже в этом варианте исследование позволяет понять особенности этногенеза бос-

нийско-мусульманского этноса, заключающиеся в оригинальном соединении славянского – этнического и исламского – конфессионального компонента. А исторические факты убедительно опровергают укоренившиеся в последнее время мифы и стереотипы о якобы изначальной враждебности “цивилизаций”, отождествляемых с конфессиональными общностями¹⁶.

В дальнейшем В.И. Фрейдзон перешел от конкретно-исторических к теоретическим исследованиям, от изучения проблем истории одного народа к осмыслению исторического опыта и закономерностей развития всего региона Средней и Юго-Восточной Европы. Значительное внимание он уделял теоретическим проблемам использования методов этнологии в историческом исследовании. В этом контексте символичной стала его рецензия на монографию известного советского этнолога академика Ю.В. Бромлея “Современные проблемы этнографии” (М., 1981)¹⁷. Эта монография, хотя и обусловленная методологическими рамками того времени, представляет собой все же попытку расширить границы официально принятой классовой типологии этнических общностей (род – племя – народность – нация), соединенной с примордиалистской¹⁸ теорией, ввести советскую науку в контекст мировых этнологических исследований¹⁹. В.И. Фрейдзону и его коллегам это позволило дальше развить концепции не только сравнительно-исторических, но и междисциплинарных исследований. Подобный подход позволил ему придать законченный характер концепции формирования наций у народов Средней (Центральной) Европы.

Визит в Москву главы нового хорватского государства Ф. Туджмана в октябре 1991 г. (М.С. Горбачев пытался сыграть посредническую роль в начавшемся вооруженном конфликте Белграда и Загреба) стал началом новых отношений между новой Россией и новой Хорватией. Это, а также совпадение в тот момент позиций Москвы (уже Б.Н. Ельцина) и Загреба по отношению к своим распадавшимся федерациям, создавало предпосылки для налаживания нормальных взаимоотношений между Москвой и вновь образовавшимися на территории Югославии государствами. Во время октябрьских переговоров 1991 г. Ельцин предложил создать двустороннюю российско-хорватскую комиссию по сотрудничеству и принял приглашение посетить Хорватию сразу после окончания войны²⁰. Этому визиту так никогда и не суждено было состояться, но 17 февраля 1992 г. независимая Россия признала независимость Хорватии.

С середины 90-х годов XX в. в отечественной исторической науке появились новые работы по истории Средней (Центральной) и Юго-Восточной Европы, в которых их авторы продолжили лучшие традиции российского исторического страноведения. Снятие всякого рода “табу” и доступ к ранее “закрытым” документам или “забытым” научным, публицистическим и литературным произведениям позволило поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания “целостной картины мира” без искусственного замалчивания, или, наоборот, выпячивания отдельных исторических событий или фигур.

Исследуя этнические процессы и межнациональные отношения, запутанные в регионе Центральной (Средней) Европы и на Балканах, В.И. Фрейдзон избежал крайностей: для него были категорически неприемлемы как этнический национализм, так и этнический нигилизм. Он признавал этнос и нацию как субъект исследования и рассматривал формирование наций как длительный исторический процесс. А этнические процессы имеют свои законы и динамику, далеко не всегда совпадающие с законами

¹⁶ Фрейдзон В.И. К истории боснийско-мусульманского этноса. – Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

¹⁷ Фрейдзон В.И. К теории этнических процессов. – Советское славяноведение, 1981, № 5.

¹⁸ Примордиализм – представление об изначальности этнических категорий, об этничности как извечном свойстве человеческой жизни. См.: Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999, с. 11–12.

¹⁹ Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003.

²⁰ Tomac Z. Iza zatvorenih vrata. Tako se stvarala hrvatska država. Zagreb, 1992, s. 332–336.

и динамикой экономического развития, часто им даже противоречащие. В результате вместо реального знания в советском и постсоветском сознании начали и продолжают возникать новые наукообразные мифы, лишая общество рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения.

В этих условиях В.И. Фрейдзон не пошел по легкому и весьма популярному пути отказа от реальных достижений советской исторической науки и марксистского метода исследования, их замены под флагом “возвращения наследия утраченного прошлого” некритическим соединением этнонационалистических и геополитических концепций конца XIX – первой половины XX в. и подмены теории исторического процесса “конспирологией”. Для него работа в 1990-е годы была настоящим переосмыслением истории, переосмыслением сделанного ранее, а не простой “сменой флажков”. Занимаясь историей Хорватии, он сумел, как это было присуще лучшим отечественным историкам-славистам, посмотреть на процесс со стороны, объясняя его причины, но не оправдывая его участников, к какой бы национальности или классу они не принадлежали, не следуя инациональной мифологии в противовес отечественной. В процессе исследовательской работы ему постепенно удалось раздвинуть границы советского политико-идеологического стереотипа. Австро-Венгрию, как и национальные движения входивших в нее славянских народов, он рассматривал сугубо исторически, т.е. исходя не из более позднего результата, видимого сквозь призму событий, случившихся уже после ее распада, а анализируя развитие самих этнополитических процессов, исследуя монархию Габсбургов как сложнейший полиэтнический социальный и политический организм, а не как “тюрьму народов” и “врага славянства”.

Работы Фрейдзона конца 1980–1990-х годов посвящены в основном двум проблемам – хорватскому мифу в российском сознании и трагедии хорватской истории. Миф состоял в том, что-де хорватам-католикам якобы “имманентно” присуща враждебность к России. Трагедия же хорватского народа и идеи создания независимого хорватского государства состоит в том, что хорватское национальное движение в двух мировых войнах оказывалось в значительной мере на стороне Германии и ее союзников. Коммунистическое антифашистское сопротивление – народно-освободительная борьба 1941–1945 гг., в которой активное участие принимали и хорваты, игнорировались. А это позволило историографии победителей отождествлять, например, идею национального независимого хорватского государства с фашизмом. На самом же деле эта идея не имеет ничего общего ни с “классическим” германским нацизмом, ни с идеологией хорватских “ушастей”. Ее возникновение обусловлено теми же историческими и этническими причинами, она обладает той же правовой легитимностью, что и идеи создания подобных государств у других народов, в том числе, например, и сербов.

После распада СССР между двумя основными направлениями в исторической науке, этнологии и политологии началась полемика, отражающая поиски в области методологии, и развернулось соперничество, связанное с общей идейно-политической борьбой в современном российском обществе. В.И Фрейдзон принадлежал к направлению, пытавшемуся и пытающемуся объяснить на рациональных основах новое самоопределение наций и этносов в постсоциалистическом мире, россиян как нации и государства и русских как этноса. Для этого направления характерен региональный подход, основанный на идеях гражданского полиэтнического общества и целостности исторически сложившихся многонациональных государств. Принадлежащие к нему исследователи признают изменение характера этносов и интересов государств в ходе истории. Им чуждо возвеличивание одного этноса в ущерб другим и признание первичности коллективных прав в ущерб правам индивидуума. Анализируя события в СФРЮ и на постюгославском пространстве, они стремятся объяснить причины кризиса, распада и войны, объяснить закономерность интересов и целей национальных движений народов, живущих совместно в течение долгого исторического времени на одной территории и проживших 70 лет в одном государстве. Не отрицая значения

“внешнего фактора”, они подчеркивают, что Югославия распалась, прежде всего, в результате внутренних слабостей и противоречий²¹.

Нельзя не отметить и тот факт, что границы историко-географических регионов менялись не только по политическим соображениям, но и в соответствии с развитием национального самосознания проживающих в них народов. Примером этого может служить новая самоидентификация словенцев и хорватов, причисляющих себя и свои независимые государства к Средней Европе. В.И. Фрейдзон вместе с Т.М. Исламовым внесли в эту полемику значительный вклад, обосновав закономерность возникновения историко-географических регионов и плодотворность их изучения²².

Главное место в творчестве В.И. Фрейдзона 1990-х годов заняли монографии, явившиеся итогом многолетних скрупулезных исследований. В 1993 г. вышла работа “Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX вв. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832–1914”. Следующая монография В.И. Фрейдзона “Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи” (М., 1997) явилась первой в отечественной историографии и удачной попыткой нарисовать подробную картину исторического развития в новое время края, который издавна выполнял важные культурные функции, будучи своего рода связующим звеном между Балканами и латинским Средиземноморьем и одним из центров формирования хорватской национальной идеологии. Небольшая монография “Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начало XX вв.” (Дубна, 1999) явилась плодом долгих размышлений над закономерностями нациообразования и формирования национальной государственности в Средней Европе, основанных на глубоком знании исторической конкретики. В них, как и в ряде статей, посвященных истории развития югославизма и его соотношения с узким этническим хорватским и сербским национализмом, ученый стремился переосмыслить исторический опыт южных славян, освободившихся после Первой мировой войны от инонационального гнета и создавших совместное государство, которое дважды в нашем столетии распалось трагическим и кровавым образом²³.

Важным событием не только в отечественной, но и в мировой кроатистике стал выход в 2001 г. книги В.И. Фрейдзона “История Хорватии”, охватывающей все века и периоды развития хорватов. В ней впервые в отечественной науке была представлена целостная концепция истории хорватов как народа и Хорватии как государства. Поскольку ее основные черты применительно к периоду конца XVIII – начала XX вв. были описаны выше, обратимся к трактовке В.И. Фрейдзоном последнего на данный момент периода современной истории – создания независимого государства Хорватии и завершения формирования хорватской нации – и как этноса, и как гражданской общности.

По мнению исследователя, в Хорватии, где сохранялись идейные традиции национальной государственности, активизировалось движение за достижение независимости, в котором наряду с умеренно-либеральным проявило себя и радикальное националистическое крыло, несущее свою долю ответственности за обострение

²¹ Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб, 2001, с. 270–281. См. также: Балканы между прошлым и будущим. М., 1995; Россия на Балканах. М., 1996; Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Романенко С.А. Югославия. История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000; Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М., 2000 и др.

²² Исламов Т., Фрейдзон В. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? – Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992, с. 119–133; Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995; Центральная Европа как исторический регион. М., 1996; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.

²³ См.: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997.

конфликта с сербами. Хорватское общество, осознавшее бесперспективность преодоления хронического кризиса в условиях Югославии, увидело выход в программе Ф. Туджмана, сплотившей хорватов на национальной платформе. Касаясь болезненной проблемы сербско-хорватских противоречий, крайне остро проявившихся в 1990-е годы, В.И. Фрейдзон видел различие между хорватским и сербским движениями. По его мнению, ввиду исключительно важного стратегического положения сербских анклавов открывалась перспектива такого территориального раскола Хорватии, который делал невозможным само существование этого государства как целого. Для Сербии, в отличие от Хорватии, угрозы разрушения государства в 1991 г. не было.

В.И. Фрейдзон был историком не только по профессии, но и по призванию. Он жил и мыслил историей и беззаветно служил ей. Хотя он сам не был публичным человеком, любой мало-мальски профессиональный политик, аналитик или журналист не мог не опираться на результаты его исследований. Его заслуга и как слависта, и как специалиста по истории Австрийской империи, просто, как историка состоит в том, что ему удалось отделить историческую славистику от политики и идеологии, ввести ее в контекст современных этнополитических и региональных исследований, преодолеть определявшие ее развитие российские, советские и постсоветские мифы, предрассудки и стереотипы. Иными словами – выполнить призвание профессионального историка. Именно В.И. Фрейдзону принадлежит заслуга создания российской исторической кroatистики как отрасли научного знания.

Отличительными чертами его исследовательского стиля были основательность, стремление собрать максимально возможное количество источников, их доскональная обработка и тщательный анализ, всестороннее знание историографии, интеллектуальное изящество, потрясающая работоспособность, энциклопедические знания. И, самое главное – внутренняя свобода и органическое неприятие любого агрессивного этнического национализма, в какие бы одежды он ни облачался и с чьей бы стороны он ни исходил. Эти качества снискали ему глубокое уважение коллег. Их он старался привить и своим аспирантам, и всем, кто с ним работал. Он никогда не навязывал своих взглядов и оценок, но любой текст оценивал и правил исходя из высочайших критериев профессионализма. Как ученый и профессионал высочайшего класса, он был строг и требователен и к себе, и к другим. Деликатность в общении не означала снижения критериев оценки работ коллег или отказа от своих научных позиций. “Пишите так, чтобы всем все было понятно”, – говорил он.

Как человек, он был исключительно добр, являя собой образец порядочности, интеллигентности, неподкупности, принципиальности и душевной щедрости. Об этом свидетельствует его отношение к семье – супруге А.Е. Коротеевой и двум детям – Виктории и Евгению, о которых он постоянно заботился и чьими успехами гордился.

Кому-то принадлежит мысль о том, что самая крепкая дружба – это дружба интеллектуальная. Не только совместные исследования, но и многолетняя и искренняя дружба связывала В.И. Фрейдзона с отечественными учеными, оригинальные концепции и фундированные труды которых составили значительный след в истории отечественной науки – Ю.В. Бромлей, Т.М. Исламов, И.С. Миллер, А.С. Мыльников. Его друзьями стали на всю жизнь и ведущие хорватские, да и не только хорватские, историки – Мирьяна Гросс, Ярослав Шидак, Драгутин Павличевич, Лазар Ракич, Ибрахим Тепич.

Несмотря на недуги, В.И. Фрейдзон работал до самого последнего момента. Подготовленные им публикации вышли в свет уже после его кончины²⁴.

Несомненно богатое научное наследие В.И. Фрейдзона будет иметь долговременное значение.

²⁴ *Фрейдзон В.И.* Две беседы Й.Ю. Штрессмайера с российскими дипломатами. – Славяноведение, 2004, № 1; *его же* Л. Березин. Путешествие по Хорватии и военной границе (1863). – Славяноведение, 2004, № 5 (реп. на кн.); *его же*. Русские консульские донесения из Дубровника о положении в Далмации в 60-х – начале 70-х годов XIX в. – Славяноведение, 2005, № 3.